

УДК 167; 340.11
DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.2

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОСОЗНАНИЯ В ЭПОХУ
ПРАВОВОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF JUSTICE
IN THE ERA OF LEGAL
DIGITALIZATION**

Баранов Павел Петрович

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и муниципального права,
Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: pravosoznanie@gmail.com

Pavel P. Baranov

Doctor of Law, Professor,
Head of Department of Constitutional
and Municipal Law,
South-Russian Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: pravosoznanie@gmail.com

В статье анализируется изменение представлений о праве в эпоху цифровизации. Отмечая недостаточную теоретическую обоснованность попыток навязать современному праву какие-либо особые характеристики, проистекающие из повсеместного развития цифровых технологий, автор признает, что в эпоху виртуальной реальности законы цифрового виртуального мира начинают активно конкурировать с законами природы, что влечет некоторое снижение роли права как традиционного регулятора общественных отношений. Однако, по мнению автора, искусственно преуменьшать

The article analyzes the change in ideas about law in the era of digitalization. Noting the insufficient theoretical validity of attempts to impose any special characteristics on modern law stemming from the widespread development of digital technologies, the author admits that in the era of virtual reality, the laws of the digital virtual world begin to actively compete with the laws of nature, which entails some decrease in the role of law as a traditional regulator of public relationship. However, according to the author, one should not artificially downplay the role of law even in the digital age. In this regard, the article discusses the main trends in the study of legal digitalization processes. The first

роль права даже в эпоху цифровизации не следует. В этой связи в статье рассматриваются основные тенденции в исследовании процессов правовой цифровизации. Первая тенденция обусловлена необходимостью оперативно реагировать правовыми средствами на появление новых сфер правового регулирования, вызванного широким распространением цифровых информационных технологий. Вторая тенденция предполагает расширение и переосмысление предмета и объекта юридической науки в контексте появления новых цифровых участников правовых отношений, порожденных на свет разумной человеческой деятельностью. В этой связи автор останавливается на наиболее актуальных концептуальных и практических проблемах использования цифровых технологий в процессах правообразования и правоприменения, в контексте различных подходов к правопониманию. Отдельное внимание уделяется институту цифровых (информационных) прав и свобод граждан, а также традиционным правам личности в условиях новой цифровой виртуальной реальности. В работе делаются выводы о возможностях и перспективах дальнейшего правового регулирования сферы цифровых (информационных) правоотношений и искусственного интеллекта, а также влиянии процессов развития информационных технологий на правовые процессы в целом.

Основные положения:

1) появление новых цифровых сфер правового регулирования в ситуации, когда традиционные элементы государственной, общественной и личной жизни в той или иной степени переходят в цифровое виртуальное пространство, ставит перед правом новые задачи, однако их решение должно опираться на традиционные общеправовые подходы;

2) цифровизация серьезно изменила облик писаного (позитивного) права, его доступность, актуальность и способы восприятия, однако позитивный закон не получил в связи с этим концептуально новых регулирующих функций, как и не утратил возможностей своего влияния на регулирование тех или иных традиционных сфер общественных отношений;

trend is due to the need to promptly respond by legal means to the emergence of new areas of legal regulation caused by the widespread dissemination of digital information technologies. The second trend involves the expansion and rethinking of the subject and object of legal science in the context of the emergence of new digital participants in legal relations generated by intelligent human activity. In this regard, the author dwells on the most relevant conceptual and practical problems of using digital technologies in the processes of lawmaking and law enforcement, in the context of various approaches to law enforcement. Special attention is paid to the institute of digital (information) rights and freedoms of citizens, as well as to the traditional rights of an individual in the new digital virtual reality. The paper draws conclusions about the possibilities and prospects of further legal regulation of the field of digital (information) legal relations and artificial intelligence, as well as the impact of information technology development processes on legal processes in general.

Key points:

1) the emergence of new digital spheres of legal regulation, in a situation where the traditional elements of state, public and private life, to one degree or another, pass into the digital virtual space, poses new challenges to the law, however, their solution should be based on traditional general legal approaches;

2) digitalization has seriously changed the face of written (positive) law, its accessibility, relevance and ways of perception, however, the positive law has not received conceptually new regulatory functions in this regard, nor has it lost its ability to influence the regulation of certain traditional public areas relationship;

3) today the legal functionality of digital electronic algorithms is clearly limited by the limits of the auxiliary and organizational support function;

4) a shift in emphasis in legal regulation from the achievements of legal science to the achievements of information (technical) science can lead to partial or complete ignoring of the ethical, axiological and sociocultural aspects of law, which in turn can lead to the idea of digitalization of law as an element of coercion and oppression.

3) на сегодняшний день правовой функционал цифровых электронных алгоритмов четко ограничен пределами вспомогательной и организационно-обеспечительной функции;

4) смещение акцентов в правовом регулировании с достижений правовой науки на достижения информационной (технической) науки может привести к частичному или полному игнорированию этического, аксиологического и социокультурного аспектов права, что, в свою очередь, может повлечь представление о цифровизации права как элементе принуждения и угнетения.

Ключевые слова: виртуальная реальность; искусственный интеллект; информационные и цифровые технологии; правопонимание; правосознание; цифровые (информационные) права; цифровизация права; электронная демократия.

Keywords: virtual reality; Artificial Intelligence; information and digital technologies; legal understanding; legal consciousness; digital (informational) rights; digitalization of law; e-democracy.

Изменение представлений о праве в эпоху цифровизации – это актуальная проблема, без сомнения, заслуживающая самого пристального внимания и изучения. Отмечая недостаточную теоретическую обоснованность попыток связать большую часть проблем современного правосознания со стремительным наступлением эры информационных технологий, нельзя не признать, что частичная трансформация представлений о праве все же производна от нескончаемого процесса цифровых (информационных) новаций последних десятилетий. Цель настоящей статьи – исследование процессов цифровизации в контексте их влияния на правосознание как на обыденном, так и на профессиональном уровнях. Признавая некоторое снижение роли права как традиционного регулятора общественных отношений в эпоху цифровых технологий и виртуальной реальности, автор доказывает, что искусственно преуменьшать его роль – значит принимать желаемое за действительное. Тот факт, что стремительные процессы информатизации серьезно переформатировали обыденное представление об окружающем мире и правовой действительности, только актуализирует проблемы оптимального использования традиционных правовых средств и способов воздействия на окружающий мир. Появление новых сфер правового регулирования ставит перед правом новые задачи, однако их решение должно опираться на традиционные общеправовые подходы. Всякие рассуждения о закате идеи права, классического правотворчества и правоприменения в эпоху цифровизации на сегодняшний день не имеют под собой сколько-нибудь

серьезную почву. Говорить о цифровом праве (не в значении соответствующей и только формирующейся отрасли права), как и о цифровом правосознании, как о новых самостоятельных институциональных образованиях, явно преждевременно. Однако обратить внимание на основные проблемы в сфере права и правосознания, которые породили процессы цифровизации, все же стоит. Кроме того, одним из достоинств общетеоретической юридической науки всегда являлась работа на опережение. Быть готовым к возможным вызовам новой цифровой эпохи – это значит адекватно оценивать все новации, опасности и риски, которые несут для права и правосознания современные информационные технологии. Одновременно нельзя не заметить и значительную оптимизацию разнообразных правовых процессов, являющуюся следствием разумного и соразмерного поставленным задачам использованию цифровых информационных технологий в правовой сфере.

В отечественной юридической науке сложилось несколько базовых общетеоретических концептуальных подходов к пониманию правосознания: исторический, философско-гносеологический, социологический, формально-логический и структурно-функциональный, в рамках которых разработано свыше 250 его определений. Традиционно правосознание рассматривается как система идей, представлений, чувств, взглядов, эмоций, характеризующих отношение людей и их общностей к ранее действующим, ныне существующим и желаемым юридически значимым явлениям, процессам и состояниям. Именно правосознание выступает внутренней детерминантой любой связанной с юриспруденцией деятельности (Боруленков, 2014. С. 366–368).

Особенностям отечественного правосознания посвящено огромное количество работ как современных авторов, так и представителей классических философско-правовых направлений прошлого. Так, например, Н.А. Бердяев характеризовал Россию как самую безгосударственную и самую анархичную страну в мире, русский народ – как самый аполитический народ, а анархизм – как явление русского духа. По мнению ученого, русский народ желает не свободы в государстве, а свободы от государства (Бердяев, 1990. С. 4–5). Известный русский философ И.А. Ильин, разделяя правосознание «русского простонародья» и русское «интеллигентское правосознание», отмечал, что на протяжении всей истории России «русское простонародье никогда не теряло склонности противопоставлять обременительному закону свой собственный незаконный или противозаконный почин», а в условиях политического и имущественного передела «правосознание русского народа, поддаваясь смуте, “кривизне” и “воровству”, справляло праздник всевластия, мести и

самообогащения» (Ильин, 2008. С. 95–96). В свое время автор настоящей статьи посвятил значительное количество научных исследований проблемам правосознания и правовой культуры. В последнее время все большее количество работ посвящено социокультурным особенностям российского правосознания. Данная проблематика нашла свое широкое освещение не только в теории и философии права, но и в конституционно-правовых исследованиях, ориентированных на исследование конституционного правосознания (Щепачев, 2019), конституционной (конституционно-правовой) культуры (Баринов, 2019), защиту конституционной идентичности (Зорькин, 2019), конституционного суверенитета и обеспечение конституционной безопасности (Бондарь, 2018).

В современных исследованиях российское правосознание традиционно характеризуется как частично неразвитое, несформированное и незрелое, отличающееся фрагментарностью и противоречивостью. В основе этой противоречивости лежит преобладание этико-центристских начал в правовой системе воззрений. Понимание права в тесном сочетании с моралью, нравственностью и в отдельных случаях с религией сделало правосознание россиян предельно субъективным и неоднородным. Категории нравственно-этического характера (идеи высшей справедливости) в конечном итоге не нашли своего должного сосуществования с категориями формального (позитивного, производного от государства) права, что привело к закономерной трансформации правосознания в сторону его деформации и повсеместному развитию правового нигилизма. И если во времена бывшего СССР правовой нигилизм в большей степени характеризовался вполне понятной правовой апатией, то на сегодняшний день к ней добавилось достаточно радикальное критическое отношение к праву как инструменту получения определенных политических и личных дивидендов, в том числе посредством обращения к сфере публичного управления для ограниченной категории людей. В соответствии с традиционными марксистскими представлениями право продолжает рассматриваться гражданами как способ установления власти одного класса над другим, один из способов извлечения личной экономической выгоды политической элитой, чиновниками и иными приближенными к власти субъектами общественной, политической, социальной, экономической жизнедеятельности. Следует согласиться с учеными, которые утверждают, что «любой кризис правосознания – это прежде всего результат преобладания обесмысливания и обесценивания права над процессами его смыслового и ценностного оформления», несовпадения ожиданий от права с получаемым в итоге результатом, по

причине чего правовая реальность делегитимируется и воспринимается как «чуждая реальность, заданная извне» (Шугуров, 2016. С. 79–80).

Другая быстро изменяющаяся сторона современной правовой жизни, напрямую не привязанная к критическому отношению граждан к государственной власти и способам взаимодействия с последней, характеризуется все большим вторжением цифровых (информационных) технологий в правовую сферу, что также влечет за собой некоторое изменение представлений о праве, его регулятивных возможностях, статусе его субъектов и др. Как справедливо отмечается большинством исследователей, цифровизация – это междисциплинарная проблема, соответственно, степень ее опосредования представителями различных отраслевых наук значительно различается. Кроме того, современные юридические исследования процессов цифровизации грешат некоторой бессистемностью и поверхностностью (Гайворонская, 2019. С. 28). С последним утверждением следует согласиться. Поиск доступных методологических средств исследования проблем правовой цифровизации все еще продолжается. Не вполне понятны пределы и характер соответствующих дискуссий, вопросы, требующие первоочередного осмысления, как и степень их новизны и актуальности. В наибольшем замешательстве в этой связи находятся представители общетеоретической науки, тогда как представители отраслевых наук озабочены прежде всего стремлением вовремя урегулировать (зачастую избыточно) новые сферы общественных отношений, порожденных феноменом цифровизации. В этой связи можно говорить о своеобразной конкуренции, так, практически одновременно категорию «цифровые права» предложили представители как конституционной (Невинский, 2019), так и цивилистической науки (Яценко, 2019). В итоге официальной (на уровне законодательного акта) стала трактовка цифровых прав, предложенная цивилистами. Конституционалистам же остается оперировать категорией «информационные права» или же, говоря об идее цифровых прав (права на доступ к сети Интернет, на цифровое забвение, на неприкосновенность цифровой жизни и т. д.), каждый раз уточнять, что данная категория используется в значении, расходящемся с официальной юридической трактовкой. Справедливости ради отметим, что часть авторов стали определять соответствующую группу прав как информационные еще до того, как представители цивилистической науки зарезервировали категорию «цифровые права» за собой (Колесников, 2019). Однако последнее замечание не снимает соответствующую проблему, так как категория «информационное право» также уже зарезервирована, а научные исследова-

ния цифрового права ведутся в контексте рассмотрения проблем информационного права (Танимов, 2019).

Показательным является тот факт, что в современной юридической науке и законодательстве стали утверждаться достаточно спорные термины «цифровая экосистема» и «экосистема цифровой экономики». Использование категории «экосистема» в значении «самодостаточное виртуально-цифровое пространство» в обыденной и околонучной речи связано со стремительным распространением устройств цифровых информационных коммуникаций, когда привязка к одному аккаунту-идентификатору обеспечивает постоянный доступ к личному цифровому информационному пространству на различных устройствах. Такое отождествление окружающей естественной и цифровой реальности, получившее субъективное отождествление на уровне обыденного сознания, вполне объяснимо. Однако, как мы уже отметили, данное отождествление стало использоваться не только в юридической науке (Гаврилов, 2019), но и в правовых актах (Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года и др.), что вызывает вопросы о правомерности такой вольной трактовки термина «экосистема». Данная ситуация наглядно демонстрирует, что законы цифрового виртуального мира начинают активно конкурировать с законами природы не только на уровне обыденного, но и на уровне научного сознания.

Нельзя отрицать и того факта, что традиционные элементы государственной, общественной и личной жизни в той или иной степени переходят в цифровое виртуальное пространство. Отмечая особую функциональную роль информационных технологий, которые значительным образом переформатируют традиционные формы общения и взаимодействия как между людьми, так и между обществом и государством, нельзя не обратить внимания и на появление элементов «новой реальности» в виде цифровой экономики, цифрового права, цифровой политики и др. (Карцхия, 2017). Не отрицая главенствующую роль права в регулировании как традиционных, так и принципиально новых сфер общественных отношений, все чаще приходится говорить о праве как объекте цифровизации, что не исключает в конечном итоге и трансформации самой его формы (Бедоева, 2018). Происходит это как на уровне формальных характеристик права в представлении его как общеобязательного императива, так и на уровне глубинных процессов, характеризующих правовую идеологию и правовую психологию. Неслучайно в современной юридической науке утверждается мнение, что, выступая одним из условий трансформации современной общественно-экономической модели раз-

вития, цифровые технологии ведут к переформатированию самого способа правовой регуляции общественных отношений (Хабриева, 2018. С. 91). С данной точкой зрения, на наш взгляд, можно согласиться лишь частично, однако тот факт, что в среде подрастающего поколения формируется новое цифровое мировоззрение, сомнений уже не вызывает.

Различая основные направления научных исследований в сфере правовой цифровизации, можно выделить две преобладающие тенденции. Первая тенденция обусловлена необходимостью оперативно реагировать правовыми средствами на широкое распространение новаторских цифровых технологий, которые стремительно распространяются во всех без исключения сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной и др. Вторая тенденция предполагает расширение и переосмысление предмета и объекта юридической науки в контексте появления относительно самостоятельных и принципиально новых субъектов правовых отношений, порожденных разумной человеческой деятельностью. Речь идет о развитии технологий цифровой обработки информации правового характера, в частности цифровых механизмов фиксации правонарушений и вынесения (с определенной долей условности) правоприменительных решений, цифрового порядка заключения договоров и контрактов и др. Относительно самостоятельной представляется проблема искусственного интеллекта, рассматриваемого в качестве полноправного (если не сейчас, то в недалеком будущем) субъекта правовых отношений. Последняя проблема пусть и представляется в некотором смысле надуманной, однако имеет в своей основе серьезные социально-философские идеи, активно продвигаемые в том числе и в массовой культуре на протяжении многих десятилетий. Нельзя не признать, что на сегодняшний день человечеством накоплен значительный массив социально-философских идей и представлений о праве роботов на человеческую жизнь и отсутствии принципиальных различий между человеческим и искусственным интеллектом, квинтэссенцией которого является классическое произведение Ф.К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?».

Таким образом, на сегодняшний день в юриспруденции актуализировались две концептуальные проблемы: необходимость успеть, а в отдельных случаях и сыграть на опережение, и «зарегулировать» все возможные и невозможные способы применения новых цифровых технологий (зачастую такое регулирование можно рассматривать как избыточное). Особую обеспокоенность у юристов в этой связи вызывает практически бесконтрольный рынок частной виртуальной собственности в компьютерных играх и симуляциях, как и формирующийся в аналогичной среде рынок цифровых услуг

и предложений о выполнении отдельных видов специальным образом оплачиваемых виртуальных работ. Решить данную проблему на сегодняшний день законодатель может лишь частично. Другая часть проблем в большей степени несет на себе социально-философскую окраску и заглядывает в недалекое будущее, когда юриспруденция, в том числе правоприменительная деятельность, частично или полностью перейдет на уровень обезличенной цифровой обработки информации. Отвечать же за принятие правовых решений придется цифровым алгоритмам, а искусственный интеллект станет обладателем соответствующего правового статуса.

Признавая тот факт, что в идеале юридическая наука должна иметь готовый или хотя бы предварительный общетеоретический набор возможных решений даже для наименее вероятных в ближайшем будущем вариантов развития событий, следует все же оставаться в традиционных методологических рамках и не подменять юридическую науку фантазиями на тему мирового цифрового апокалипсиса. В этой связи очень важно правильно расставить соответствующие приоритеты и акценты. На уровне правосознания и правового мышления должны формироваться теория и практика правового регулирования не цифровых технологий как вещи в себе, а правового регулирования общественных отношений с использованием цифровых технологий. Что же касается активно распространяемых слухов о цифровом рабстве, тотальном цифровом надзоре, незаметном чипировании, которые неожиданно выйдут из-под контроля человеческого разума и станут независимыми, самодостаточными и по сути бесконтрольными, то следует в большей степени сосредоточиться на совершенствовании правового регулирования сферы носителей естественного интеллекта (с разработкой института соответствующей юридической ответственности) при проектировании и разработке интеллекта искусственного. Кроме того, надо четко разделить соответствующие проблемы. Первая проблема – это опасность, что с развитием цифровых технологий граждане окончательно потеряют свой минимальный набор прав на неприкосновенность в сфере личной жизни, что закончится утверждением общества антиутопического типа (общества абсолютного и повсеместного контроля за личностью), возможно даже безнационального и безгосударственного. При этом важно разделять цели построения такого общества: авторитарное общество, тоталитарное общество, демократическое общество, общество всеобщего благоденствия, общество потребления или же, наоборот, общество особой высокодуховной и высоконравственной организации (мы намеренно используем различные основания для классификации). Вторая проблема – это искусственный интеллект, который изначально был призван оптимизировать и облагородить в том числе правовую сферу общественных отношений, но в определенный

момент вышел из-под контроля его условных создателей. Последствия, к которым это может привести, широко представлены в художественной литературе, в кино и на телевидении. И в первом, и во втором случаях задачи права – выставить соответствующие барьеры исключительно формально-правового характера в части недопущения постепенного перерождения идеи личных и неотчуждаемых прав и свобод в фикцию, что мы уже сегодня можем наблюдать на отдельных примерах окружающей нас действительности (неважно, каким способом умаляются права и свободы – цифровым или традиционным). Что же касается бесконтрольности цифрового интеллекта, то проблема эта решается на уровне адекватной и продуманной правовой политики, включающей определенные сдерживающие элементы как для самих цифровых технологий и степени их проникновения в правовую действительность, так и для их создателей, разработчиков и проектировщиков. Важно учитывать, что никакой самый квалифицированный программист или создатель виртуального пространства в деле создания соответствующей правовой базы не заменит юриста, обладающего необходимой профессиональной квалификацией. Последнее обстоятельство не исключает активного сотрудничества представителей различных наук в деле создания и выработки унифицированных правовых подходов к сфере цифровизации правовых отношений.

В современной науке также активно обсуждается ожидаемая в недалеком будущем потеря правом своего доминирующего положения в сфере регулирования общественных отношений, уменьшение регулятивных функций права, осязаемое сужение самой сферы правового регулирования. Речь идет не только о том, что цифровые технологии оптимизируют обращение к источникам правовой информации, но и о том, что право, не идеальное по своей сути, в процессе цифровой оптимизации перестанет являться таковым в своем классическом понимании. Пришедший ему на смену условный «цифровой код», выполняя на первоначальном этапе исключительно вспомогательную функцию, впоследствии заменит само право и традиционные процедуры правообразования. Надо сказать, что уже сейчас справочно-информационные системы, аналогичные «КонсультантПлюс», благодаря сложной системе прямых перекрестных интерактивных связей позволяют получить несколько иное восприятие окружающей правовой действительности, нежели классическое обращение к тексту правового акта. Правовые справочно-поисковые системы позволяют оценивать правовую реальность целыми массивами в неразрывной связи законов и подзаконных актов с правоприменительной практикой (Хабриева, 2018. С. 100). Такое обращение позволяет видеть гораздо более полную картину, а выявление коллизионности, пробельности и дефектности текущего законодательного

регулируемого становится возможным не только на уровне носителей специального научного знания. В этой связи достаточно актуальной представляется проблема восприятия на уровне как профессионального, так и обычного правосознания позитивного права (писаного закона). И если в доцифровую эпоху нормативный правовой акт ассоциировался исключительно с бумажными носителями информации, например с «Собранием законодательства РФ», то сегодня нормативный правовой акт предстает в виде абстрактного виртуального набора предписаний, который живет собственной правовой жизнью, достаточно сильно оторванной от своего бумажного «прародителя». Сегодня, когда во многие действующие законы внесено несколько сотен изменений, обращение к первоначальной бумажной версии нормативного акта теряет всякий смысл. Неслучайно с 2017 г. официальным опубликованием нормативного правового акта считается в том числе его первое размещение на официальном интернет-портале правовой информации. Аналогичным образом ситуация разрешается и на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. Таким образом, необходимость размещать нормативные правовые акты в бумажных периодических изданиях, долгое время выступавших в качестве обязательного официального источника опубликования, является номинальной и на сегодняшний день практически отпала. Не исключено, что в ближайшем будущем такая работа прекратится. Одновременно заметим, что практика отдельного бумажного издания актуальной редакции нормативного акта (специального кодекса или федерального закона) все еще сохранилась, а книжные издательства даже предлагают специальные программы обмена устаревших редакций на обновленные. Таким образом, полная и окончательная виртуализация нормативного правового пространства – это процесс, рассчитанный на определенную перспективу. Последнее замечание касается как нормативных правовых актов, так и локальных актов учреждений и предприятий. Одновременно актуализируется проблема юридической ответственности должностных лиц, виновных в умышленном или неумышленном искажении текста нормативного правового акта, которое в современных условиях может являться источником правоприменительной ошибки.

На сегодняшний день задачи справочно-информационных систем сводятся исключительно к функционально-ознакомительным (в отдельных случаях – разъяснительным), однако вполне вероятно, что в недалеком будущем цифровые алгоритмы и сами смогут оценивать пробельность и дефектность текущего законодательного регулирования. Собственно, в тот момент, когда цифровой алгоритм получит условное право вносить собственные оригинальные правки (пусть и незначительные) в систему нормативного обеспечения и произойдет переход к иной

системе правообразования. До тех пор следует говорить лишь о том, что цифровизация серьезно изменила облик писаного (позитивного) права, его доступность, актуальность и способы восприятия. Однако традиционный закон не получил в связи с этим каких-либо дополнительных регулирующих функций, как и не утратил возможностей своего влияния на регулирование тех или иных традиционных сфер общественных отношений.

С другой стороны, уже сейчас наметились целые области общественных отношений, к регулированию которых законодателю следует подходить с определенной долей осторожности. Ранее мы уже обозначили вполне оформившуюся проблему взаимодействия человеческих индивидуумов или их общностей в виртуальной реальности, которая выстраивается по образу и подобию реальности традиционной с добавлением по сути неограниченных возможностей, вытекающих из природы цифрового (виртуального) мира. И если на уровне перехода материальных ценностей из разряда виртуальных в реальные государство выстраивает определенную систему правового регулирования, то самодостаточное функционирование человека в виртуальной реальности на сегодняшний день никакому регулированию и нормированию не подлежит, а целиком и полностью определяется создателями (архитекторами) виртуального мира. Другими словами, реальное сужение сферы традиционного правового регулирования налицо.

Одновременно нельзя не обратить внимания и на обратную тенденцию явно негативного характера. Попытки построить новую цифровую правовую реальность по аналогии с «хорошо зарекомендовавшей себя» виртуальной реальностью, т. е. смещение акцентов в правовом проектировании с достижений правовой науки на достижения информационной науки, могут привести к значительному выхолащиванию так называемого человеческого фактора, а также частичному или полному игнорированию этического, аксиологического и социокультурного аспектов права. Механистическое и лишенное самого духа права правообразование может привести к значительному ограничению свободы воли и свободы выбора субъектов правовых отношений (Гайворонская, 2019. С. 31–32). Построение системы правовых отношений по упрощенной, используемой в виртуальной реальности модели существенно обедняет саму идею права в тесном сочетании ее естественно-правовых и позитивистских аспектов. Излишнее увлечение современной юридической науки именно позитивистскими подходами к правопониманию (исключением является сфера конституционного правосудия, которая во всех случаях показательно заявляет о приверженности естественно-правовым подходам) уже привело к формированию негативного облика права в общественном сознании и пониманию его как отчужденной от человека и «порабощающей его внеш-

ней силы» (Шапсугов, 2016. С. 10). В конечном итоге новый «свободный» цифровой мир, лишенный в своем идеалистическом понимании всех недостатков современного мира, в котором право превращается в постоянно трансформирующуюся цифровую модель оптимального поведения, вполне может оказаться еще «несвободнее» существующего.

При этом нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что в эпоху правовой цифровизации социологическая юриспруденция получит еще более широкое распространение. В свою очередь, социологический подход к познанию и анализу правосознания активизирует научные исследования в системе координат юридического антропоцентризма, утверждающего, что правовая реальность конструируется повседневными действиями субъекта права, а само право понимается не как система норм, но как постоянная деятельность его субъектов по реализации правовых предписаний, выраженных в знаковой форме и получивших определенное ментальное отражение. Именно от субъекта права и его правосознания будет зависеть степень эффективности регуляторного воздействия права на общественные отношения (Пашенцев, 2019. С. 102–103).

Нельзя не согласиться с тем, что инструменты правового регулирования меняются, причем достаточно активно, однако не следует возводить в культ самодостаточность цифровых электронных алгоритмов, так как на сегодняшний день весь их правовой функционал четко ограничен пределами вспомогательной и организационно-обеспечительной функции. Публичное обсуждение законопроекта на цифровых площадках действительно может стимулировать (и стимулирует) повышенное внимание общественности к коллективному решению вопросов правового регулирования, как и развитие идеи дистанционного электронного голосования теоретически может привлечь большое количество людей к реализации своих избирательных прав. Широкое развитие общественной политической дискуссии, как и повсеместное развитие независимых от государства политических и информационных виртуальных площадок, позволяет усилить контроль за функционированием публичной власти, сделав ее более открытой (не по своей воле) и близкой каждому гражданину. Однако переоценивать возможности «цифровой политики» также не стоит. Во всех случаях основные рычаги управления степенью политической свободы остаются в руках у государства, и именно государство определяет допустимые границы политической дискуссии, в том числе исходя из национально-культурных особенностей социокультурного пространства. Что же касается сферы правоприменения, то и здесь мы наблюдаем, как использование цифровых алгоритмов завязано на реализации исключительно вспомогательной функции, в конечном итоге постановление по делу об административном правонарушении выно-

сит человек, а не машина. С сожалением приходится констатировать, что союз цифровых технологий (средств фото-, видео- и иной фиксации) и людей в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности повлек за собой огромное количество правоприменительных ошибок, что лишний раз показывает, насколько современные информационные технологии далеки от совершенства и что происходит, когда люди (правоприменители) игнорируют свои прямые обязанности по перепроверке данных, полученных машинами. Последнее замечание не мешает уже сейчас рассматривать актуальную проблему «автоматизации решения стандартных правовых задач и выполнения рутинных правоприменительных процедур». Следует согласиться с авторами, которые прогнозируют в видимой перспективе снижение потребности в юридических специальностях, которое отразится в том числе и на системе юридического образования (Шепелева, 2019).

В заключение отметим следующее. Тот факт, что на сегодняшний день право является традиционным регулятором общественных отношений, обладающих непререкаемым авторитетом как на уровне обыденного, так и на уровне профессионального правосознания, не должен сколько-нибудь умалять важность и необходимость самых оригинальных и новаторских исследований в сфере правовой цифровизации и цифрового (искусственного) интеллекта. Нельзя не признать, что цифровизация процессов правообразования (законообразования) и правоприменения наряду со значительными опасностями таит в себе богатый положительный потенциал. Исключить негативное влияние человеческого фактора, избежать пробелов, коллизий, «зарегулирования», судебных ошибок, нарушения принципов формального равенства – это благие цели, ради которых следует продолжать разработку идеи разумной цифровизации системообразующих правовых процессов. Однако о соответствующих рисках также забывать не следует. Так, например, использование цифровых технологий в фиксации правонарушений не только принесло огромную пользу, но и породило значительное количество неправовых правоприменительных решений, что уже требует осмысления на концептуальном и отраслевом уровнях. Все это накладывается на традиционный для отечественного правосознания правовой нигилизм и в конечном итоге формирует не только представление о праве как элементе принуждения и угнетения, но и представление о цифровизации права как очередной попытке навязать чуждые для отдельного человека правила игры. Цифровой интерактивный закон, о котором всерьез задумываются отдельные исследователи, будет гораздо более уязвимым для «злоумышленников», чем традиционный, и, вполне вероятно, откроет еще большие возможности для манипуляции общественным мнением. Наделение даже элементами правового статуса искусственного интеллекта – это путь к уходу от

юридической ответственности его создателя или тех, кто его использовал в своих интересах, и др. Любая цифровая новация в праве может обернуться катастрофой при ее непродуманном использовании. В этой связи сохранение традиционных методологических ориентиров в праве будет выступать одной из важнейших гарантий тесного и взаимовыгодного взаимодействия традиционных и инновационных цифровых технологий.

Литература

Баринов Э.Э. Политико-правовые аспекты конституционной культуры // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 10–13.

Бедоева З.Н. Роль информационных систем и технологий в обеспечении государственного финансового (бюджетного) контроля // Финансовое право. 2018. № 7. С. 29–33.

Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с.

Бондарь Н.С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 6–15.

Боруленков Ю.П. Юридическое познание и раздвоение индивидуального сознания юриста // Библиотека криминалиста. 2014. № 4 (15). С. 366–376.

Гаврилов С.Н., Володина С.И. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 156–166.

Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 27–34.

Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2019. 448 с.

Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. : в 2 т. М. : Айрис-пресс, 2008. Т. 2. 512 с.

Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17–26.

References

Barinov, E.E. (2019). Political and legal aspects of constitutional culture. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye parvo*, 4, 10-13. (in Russian).

Bedoyeva, Z.N. (2018). The role of information systems and technologies in ensuring state financial (budget) control. *Finansovoye pravo*, 7, 29-33. (in Russian).

Berdyayev, N.A. (1990). The fate of Russia. Experiments in the psychology of war and nationality. Moscow: Filosofskoye obshchestvo SSSR. (in Russian).

Bondar, N.S. (2018). Harmonization of the legal and ethical principles of the Constitution: the practice of constitutional justice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 1, 6-15. (in Russian).

Borulenkov, Y.P. (2014). Legal knowledge and bifurcation of the individual consciousness of a lawyer. *Biblioteka kriminalista*, 4 (15), 366-376. (in Russian).

Gavrilov, S.N. Volodina, S.I. (2019). The information (digital) ecosystem of advocacy in the context of the ecosystem of the digital economy of Russia. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 6, 156-166. (in Russian).

Gayvoronskaya, Ya.V., Miroshnichenko, O.I. (2019). Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect. *Pravovaya paradigma*, 18, 4, 27-34. (in Russian).

Zor'kin, V.D. (2019). Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norma. (in Russian).

Il'in, I.A. (2008). Our tasks. Articles 1948-1954: in 2 vols. Moscow: Ayris-press, 2. (in Russian).

Kartschiya, A.A. (2017). The digital imperative: new technologies create a new reality. *IS. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava*, 8, 17-26. (in Russian).

Колесников Е.В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13–16.

Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

Пашенцев Д.А., Алимova Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106.

Танимов О.В., Шевченко А.Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 6–9.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Шапсугов Д.Ю. Соотношение науки позитивного права и подлинной науки о праве: ещё одна грань кризиса юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 1. С. 5–16.

Шепелева О.С. Юридическое образование и подготовка юристов: что может подсказать зарубежный опыт? // Закон. 2019. № 9. С. 65–74.

Шугуров М.В. Идея права для XXI века (о некоторых задачах современной философии права) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 78–86.

Щепачев В.А. Конституционное правосознание как инструмент реализации положений Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 16–19.

Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. 2019. № 2. С. 11–14.

Kolesnikov, E.V. (2019). Development of information rights of citizens in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: constitutional aspect. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1, 13-16. (in Russian).

Nevinskiy, V.V. (2019). “Digital rights” of a person: essence, system, meaning. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 10, 26-32. (in Russian).

Pashentsev, D.A., Alimova, D.R. (2019). Lawmaking innovations in the context of digitalization of public relations. *Gosudarstvo i pravo*, 6, 102-106. (in Russian).

Tanimov, O.V., Shevchenko, A.R. (2019). Digital law: essential aspects. *Rossiyskaya yustitsiya*, 10, 6-9. (in Russian).

Khabriyeva, T.Y., Chernogor, N.N. (2018). Law in digital reality. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 1, 85-102. (in Russian).

Shapsugov, D.Y. (2016). Correlation of positive law science and genuine law science: another facet of the crisis of legal science. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 1, 5-16. (in Russian).

Shepeleva, O.S. (2019). Legal education and training of lawyers: what can the foreign experience suggest? *Zakon*, 9, 65-74. (in Russian).

Shugurov, M.V. (2016). The idea of law for the 21st century (on some tasks of the modern philosophy of law). *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2 (7), 78-86. (in Russian).

Shchepachev, V.A. (2019). Constitutional justice as an instrument for implementing the provisions of the Constitution of the Russian Federation. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 5, 16-19. (in Russian).

Yatsenko, T.S. (2019). Digital inheritance. *Nasledstvennoye pravo*, 2, 11-14. (in Russian).

Поступила в редакцию

20 мая 2020 г.